

Трещины ломают пространства, ломают размерности.

Вероятно, наиболее очевидный способ размышлять о трещинах заключается в использовании пространственных терминов: «Здесь, в джунглях Лакандона (или в Оахаке, или в Эль-Альто, или в этом социальном центре, или на этом оккупированном заводе, или в этом автономном муниципалитете) мы не примем правление капитала или государства, мы определимся с нашей собственной деятельностью».

Некоторые источники утверждают, что территориальность имеет решающее значение в развитии новых повстанческих движений за последние примерно двадцать лет. Например, у Зибечи можно прочесть следующее:

Установление территориальной основы — это путь Сем Терры [безземельных крестьян из Бразилии], начавшийся через создание бесконечного числа маленьких самоуправляемых островов; путь коренных жителей Эквадора, которые расширили свои общины для восстановления своих исконных «этнических территорий», и путь индейцев штата Чьяпас, колонизировавших джунгли Лакандона... Возникнув в сельской местности, данная стратегия начала утверждать свои позиции в среде городских безработных: маргиналы создали поселения на окраинах больших городов путем захвата и оккупации земель. По всему континенту несколько миллионов гектаров были покорены и вновь обретены беднотой, что вызвало кризис в сфере межевания и осуществило пересборку физического пространства сопротивления. На своих территориях новые участники разрабатывают долгосрочные проекты, где стержневой проект — способность производить и воспроизводить жизнь... (2008:25)

Последний пункт имеет решающее значение, поскольку он обеспечивает материальную базу на пути к автономии (там же, стр. 135).

Нет никаких сомнений в том, что создание территориальной базы для развития различных социальных взаимоотношений (будь той базой джунгли Лакандона, поселения безземельных крестьян в Бразилии или социальный центр в Милане), может придать особую силу движениям отрицания-и-созидания. Существует, однако, проблема в том, чтобы придать исключительный акцент территориальности просто потому, что такой подход может привести к исключению многих, многих людей, которые являются яркими мятежниками, но не имеют прочных связей с территорией, находящейся на грани восстания. Тогда бунт может легко превратиться в солидарность: поскольку Мюнхен, Эдинбург, Нью-Йорк или иное место, где бы я ни жил, не собирается объявлять себя автономным, антикапиталистическим городом, я пойду и поддержу те территории, где происходят захватывающие события. Я пойду и проведу три месяца среди сапатистов. Это может быть для них реальной помощью, а также может помочь в создании международного движения, но это уводит нас от главного вопроса — каким образом мы берем на себя ответственность порвать с капиталом здесь и сейчас?

Для нас нет никаких причин думать о трещинах лишь как о разрывах в пространстве. Борьба с товарификацией определенного вида деятельности и подчинение этой деятельности общественному контролю может рассматриваться в аналогичных терминах: здесь также идет борьба за то, чтобы отделить область деятельности от деяний капитализма и организовать её в ином ключе. Так, например, организация *Coordinadora de Defensa del Agua y de la Vida* (Координационный совет Защиты Воды и Жизни), которая боролась с приватизацией воды в Кочабамбе, заявила, что её члены обнаружили «трещину в неолиберальной модели, главенствующей в Латинской Америке и в мире»^[1] (Сесеña 2004: 19). Один из важных видов борьбы, ведущийся в мире — борьба за устранение капиталистических процессов из таких сфер, как вода, природные ресурсы, образование, здравоохранение, связь, программное обеспечение^[2] и музыка. Всё это можно рассматривать, как попытки создать запретные зоны, обнесенные по периметру забором и табличками «Капиталу вход воспрещён!»^[3] Борьба ведётся во многих формах: народные восстания против приватизации воды (как в Кочабамбе), студенческие восстания против введения платы за обучение или приватизации университетов (как в Греции, Мехико, Буэнос-Айресе), в виде организации альтернативных радиостанций, которые пытаются выстроить вещание иным образом (что имеет решающее значение для восстания в Оахаке, но также и приобретает все большее значение для всего мира). Создаются школы, в которых преподают такие предметы, как достоинство и бунт (MST в Бразилии, сапатисты в Чьяпасе). На улицах Буэнос-Айреса устанавливаются народные кухни (*ollas populares*). А ещё ежедневно миллионы и миллионы людей выдвигают простое предположение — законы интеллектуальной собственности (например, скачивание музыки, видео и программного обеспечения или копирование книг) не должны восприниматься всерьёз.

Иногда это простое Нет!, очевидное в подобной борьбе. Но часто (а возможно, и всегда) в этом Нет сокрыто нечто иное. Когда жители Атенко выступали против строительства нового аэропорта для Мехико на своей земле (и победили), они неявно говорили: «Мы отказываемся принимать логику денег, мы будем продолжать делать то, что мы умеем и любим — обрабатывать нашу землю». То же самое касается и движения No-TAV в Северной Италии. Акцент стоит на противостоянии скоростным железнодорожным магистралям, но подразумевается защита иной деятельности, защита жизни в другом ритме. Но порой иная деятельность выходит на передний план. Например, в альтернативных школах, где повстанцы предельно ясно сообщают, что они создают иной тип образования вместо авторитарного или инородного образования, предоставляемого государством.

Этот вид трещины, связанной с деятельностью (или ресурсно ориентированный вид), иногда рассматривается с точки зрения защиты или создания «общего» или «общественного достояния». Капитализм с самого начала был движением огораживания, движением превращения общественной собственности в частную. Наиболее очевидный пример раннего капитализма — это ограждение земли, но любая форма частной собственности включает в себя ограждение, присвоение, отсечение чего-либо от использования к всеобщему удовольствию. Неолиберальная фаза капитализма ускорила этот процесс ограждения и вызвала огромное количество попыток защитить или расширить то, что является общим достоянием. Дайер-Визефорд предполагает, что было бы полезно подумать о трех типах общего достояния, отличного от земель: «сегодня общее достояние также озвучивает возможность коллективной

взамен частной собственности в других сферах: в сфере экологического достояния (вода, атмосфера, рыболовство, леса) ; в сфере общественное достояния (государственные постановления о благосостоянии, здравоохранении, образовании и т. д.); в сфере сетевого достояния (доступа к средствам связи)» — Dyer-Witheford (2007: 28). Общее достояние можно рассматривать как зародышевую форму нового общества: «Если клеточная форма капитализма — это товарификация, то клеточная форма общества за пределами капитала — это общее достояние» (там же). Эти области общего (по крайней мере, в той степени, в которой существует подлинный общественный контроль, а не только государственная собственность), можно рассматривать как множество трещин в господстве капитала, множество запретных областей, где не действуют капиталистические законы, как прорези в хитросплетениях господства. Или, скорее так: если капитал — это движение огораживания, то общее достояние — это сносящее преграды обобществление, движение в противоположном направлении, отказ от огораживания — по крайней мере, в определенных областях.

Третье измерение для размышлений о трещинах — это время. Это важнейшее измерение для борьбы. Для тех из нас, кто живёт в городах, зачастую очень трудно думать о трещинах в терминах пространства. По крайней мере, в краткосрочной перспективе. Объявить наш город или местность автономной зоной — для многих из нас недостижимая мечта. Во многих городских пространствах отсутствует чувство общности, которое сделало бы мечту явью в краткосрочной перспективе. Конечно, в городах существует множество пространственных трещин: социальные центры, сквоты, общественные сады, места всеобщего притяжения, но чаще наши сообщества формируются на временной основе^[4]. Мы собираемся вместе и делимся каким-то проектом на мероприятии, собрании, чередой собраний. Или же мы идём на улицу в момент праздника или гнева. Позже, возможно, мы разойдёмся и пойдём разными путями, но пока мы вместе, наш проект, празднование или ярость могут создать непохожесть, другой способ общения или взаимоотношений. *Argentinazo* 19 и 20 декабря 2001 года в городах Аргентины был не только пространственной, но и временной трещиной, моментом ярости и праздника, в который люди с горшками и сковородками затопили улицы, чтобы заявить, что с нас хватит, что политикам пора убраться (*¡que se vayan todos!*) и что пришла пора радикальных перемен^[5]. Высвободилась социальная энергия, создались иные взаимоотношения. Это была временная трещина в шаблонах господства. То же самое можно сказать о любом другом восстании или взрыве народного недовольства — знаменательном для мира событии, на которое мы обычно ссылаемся, например, как на «1968». Часто такие взрывы рассматриваются как неудачи — ведь они не приводят к постоянным изменениям, но это неверно: они имеют свою собственную действительность, независимо от их долгосрочных последствий. Подобно вспышке молнии, они освещают другой мир. Мир, созданный, возможно, на несколько коротких часов — но он оставляет в нашем мозгу и в наших чувствах впечатление: образ мира, который мы можем (и должны) создать. Мир, который сейчас не существует, являет себя, как мир, который существует не сейчас^[6].

Карнавал (по крайней мере, в средневековом мире) можно рассматривать как раз в виде такой временной трещины в шаблонах господства, как время, в которое нормальные иерархические отношения не только переворачиваются, но и отменяются. Это не просто выпуск пара, функционал для воспроизводства господства — здесь нечто гораздо более глубокое. Тишлер,

цитируя Бахтина, говорит, что карнавал «был триумфом своего рода переходного освобождения», который предполагал «временную отмену иерархических отношений, привилегий, правил, табу. Он противостоял всякому увековечению, всему совершенствованию и регулированию, что указывало на то, что будущее пока еще не завершено» (Tischler 2008a: 22). Таким образом трещина — это момент, в который узы господства были нарушены и были созданы иные отношения. Это также время, когда смех преодолевает серьезность бизнеса господства и подчинения. Не индивидуальный смех, а смех коллективный, который открывает путь в другой мир: «смех карнавала является строительным компонентом гуманизации в реальном и одновременно утопическом времени карнавала; это язык жизни, который не допускает разделения на субъект и объект, а также отбрасывает абстракцию как инструмент власти и подчинения» (там же, стр. 24)^[7]. Эта идея «смеха как революционного принципа» (там же, стр. 17) была подхвачена во многих недавних столкновениях, например в таких, как «J-18 Карнавал против капитала» в Лондоне. И Clandestine Insurgent Rebel Clown Army (CIRCA, «Нелегальная повстанческая армия клоунов-бунтарей»), сыгравшая важную роль в недавних протестах в Европе^[8]. О восстании в Аргентине как о взрыве «радостной ярости» говорится у Cafassi (2002: 79). Восстание всегда было поблизости от карнавала, но это стало более явным лишь в последние годы: «С 1960-х годов восстания явно сильнее карнавализировались, возможно, отчасти потому, что бунтуют сейчас не только против огораживания экономических и физических ресурсов, но также и культурных, и социальных» (Solnit 2005: 17).

Бедствия, как ни странно, являются ещё одним примером трещин. Такие из них, как землетрясения, ураганы, цунами, войны и т.д. могут не только заставить людей страдать, но и принести разрушение социальных отношений с внезапным возникновением совершенно иных отношений между людьми — отношений поддержки и солидарности. Ребекка Солнит цитирует одного из пострадавших от урагана Хуан в Галифаксе, Новая Шотландия: «Множество границ отчуждения, а также распорядок нашей повседневной жизни, средства массовой информации, собственность — всё это было отменено. И в этом было чувство облегчения» Solnit (2005: 1). Она комментирует это так:

Бедствия приостанавливают обычное время и вместе с ним наши обычные роли и судьбы. Спадают ограничения. Сюжетная линия рушится. Мы пробуждаемся к другим вероятностям — что мы могли бы сделать, с кем мы могли бы поговорить, куда может идти наша жизнь, и даже кем мы могли бы стать (а сообщения о смертности часто усиливают удовольствие от жизни). Ежедневные тревоги и желания больше не имеют значения... В этих возможностях есть нечто волнующее, так как радость от этих событий столь же велика, сколь велико непознанное удовольствие неопределенности. Последствия катастрофы часто странным образом обнадеживают. Solnit (2005: 5)

Все наши ожидания относительно времени и того, как работают разные вещи, внезапно разрушаются. Государство часто оказывается безнадежно некомпетентным (или просто коррумпированным препятствием) — и люди помогают друг другу, развивая альтернативные формы социальной организации, чтобы справиться с ситуацией, несущей страдание. Мир перевернулся с такой же уверенностью, как и на карнавале: не только физический, но и социальный мир.^[9] Вот почему стихийные бедствия зачастую представляют угрозу для

правительств: сквозь страдания и за их пределы открываются окна вероятностей иного мира, обнажая невзгоды мира сущего. Солнит, опираясь на рассказ Анри Лефевра о Парижской коммуне, указывает на тесную связь между бедствиями, карнавалами и восстаниями:

Анри Лефевр пишет о Парижской коммуне 1871 года: «Фундаментальная спонтанность ... формирует вековые слои отложений: государство, бюрократию, институты, мертвую культуру. Она в один мах превращается в общину, общность, в которой работа, радость, удовольствие, удовлетворение потребностей — и прежде всего социальных потребностей и потребности в общении — всегда нераздельны».... Слои отложений формируются. Дамба трескается, и наводнение несёт всё вместе: бедствие и революция служат метафорами друг друга. (Solnit 2005: 8)^[10]

Понятие временной трещины в господстве является чем-то вроде идеи «временной автономной зоны» или «ВАЗ», придуманной Хакимом Беем — Hakim Bey (1985). Его аргумент состоит в том, что мы не можем ждать будущей революции^[11], что действительная идея будущей революции стала врагом эмансипации. Однако теперь мы можем создавать «свободные анклав» или «временные автономные зоны, моменты «восстания»: «восстание похоже на «пиковый опыт», в отличие от стандарта «обычного» сознания и опыта ... такие интенсивные моменты придают форму и смысл всей жизни» (там же). Эти восстания носят временный характер и даже не стремятся к постоянству: «ВАЗ — это восстание, которое не атакует Государство непосредственно, это партизанская операция, которая освобождает территорию (на земле, во времени, в воображении), а затем растворяется, чтобы обрести форму где-нибудь/когда-нибудь *до того*, как государство сможет его сокрушить» (там же). Погоня за автономией предполагает кочевое перемещение между такими переходными зонами свободы и интенсификации опыта — или их создание. Связь между этими зонами обеспечивается Паутиной, «альтернативной горизонтальной открытой структурой информационного обмена, неиерархической сетью» (там же). Примеры, которые предлагает Бей, охватывают широкий спектр:

Званный ужин уже является «семенем нового общества, формирующимся в оболочке старого» (Преамбула ИРМ). «Сбор племён» в стиле шестидесятых, лесной конклав эко-диверсантов, идиллический Белтэйн неоязычников, анархистские конференции, кружки Radical Faeries ... вечеринки в стиле двадцатых в Гарлеме, ночные клубы, банкеты, старинные либертарианские пикники — мы должны понимать, что все они уже являются «освобожденными зонами» или, по крайней мере, потенциальными ВАЗами. (там же.)

Понятие ВАЗ иногда связывают с рейв-движением 1980-х и 1990-х годов (Gibson 1997, например), но более миролюбивые из нас, вероятно, могли бы приравнять его к дню, проведённому в парке, или тихому послеобеденному чтению хорошей книги, или к общению с друзьями, не говоря уже о театральном представлении или концерте^[12].

Возможно, мы можем даже пойти еще дальше и, следуя предложению Хоркхаймера, сказать, что простую деятельность себя-ради можно рассматривать как антикапиталистическую трещину — просто потому, что она разрывает инструментальную цепь рационализаций, типичную для капитализма, в которой всё должно служить лишь средством достижения цели:

Всё меньше и меньше делается ради себя. Поход, который приводит горожанина на берег реки или на вершину горы, был бы иррациональным и идиотским, если судить по стандартам утилитаризма — ведь этот человек посвящает себя глупому или разрушительному времяпрепровождению. С точки зрения формализованной причины, деятельность является разумной, только если она служит иной цели, например, оздоравливает или расслабляет — что помогает восполнить рабочие силы. (Horkheimer 1946/2004:25)

Будут ли поход, чтение хорошей книги или чумовая вечеринка до рассвета рассматриваться как акты восстания, которым место рядом с восстанием сапатистов или аргентинским восстанием в декабре 2001? Это важный вопрос, который возникает постоянно. Понятно, что спокойное послеобеденное время за чтением хорошей книги не оказывает такого же влияния на общество, как организация оккупации нескольких городов тысячами крестьян из числа коренного населения. И всё же мы игнорируем линии преемственности — на свой страх и риск. Субкоманданте Маркос высказывает смежное суждение:

Маркос гей в Сан-Франциско, чернокожий в Южной Африке, азиат в Европе, мексикашка в Сан-Исидро, анархист в Испании, палестинец в Израиле, коренной житель на улицах Сан-Кристобала, член банды в Неже, рокер в кампусе, еврей в Германии, омбудсмен в министерстве обороны, феминистка в политической партии, коммунист после окончания Холодной войны, заключённый в Синталапе, пацифист в Боснии, мапуче в Андах, учитель в Национальном Союзе Работников Образования, художник без галереи или портфолио, домохозяйка в любом районе любого города в любой части Мексики в субботу вечером, партизан в Мексике в конце двадцатого века, бастующий в СТМ, сексист в феминистском движении, одинокая женщина на станции метро в 10 часов вечера, пенсионер, торчащий на улице в Зокало, крестьянин без земли, подпольный редактор, безработный, врач без офиса, студент-нонконформист, диссидент, выступивший против неолиберализма, писатель без книг и читателей, и сапатист на юго-востоке Мексики. Другими словами, Маркос — человек, житель этого мира. Маркос — это любое неоправданное, угнетённое, эксплуатируемое меньшинство, которое сопротивляется и говорит «Хватит!»^[13]

И все же практика левых состоит в том, чтобы неоднократно совершать самоубийство, игнорируя, отрицая или разрушая эти линии преемственности: осуждая реформизм, используя язык, который понимают только посвященные, используя насилие таким образом, который отталкивает многих людей^[14]. Вместо того, чтобы создавать резкие противопоставления (например, между лидером партизан и одинокой домохозяйкой с субботу вечером), нам нужно найти способы сделать видимыми линии преемственности, которые зачастую сокрыты в глубинах. В этом и заключается смысл разговора о трещинах: понять, что и наши многочисленные восстания, и альтернативная деятельность связаны невидимыми или почти невидимыми (и быстро меняющимися) линиями разломов в обществе.

Понятие трещины, в отличие от идеи Бея о ВАЗ, поддерживает перспективу полной трансформации общества. Хотя каждое восстание имеет своё обоснование и не требует никаких оправданий с точки зрения его вклада в будущую революцию, всё ещё верно, что

существование капитализма — постоянное нападение на нашу возможность определяться с нашей собственной жизнью. Хотя трещина и не должна рассматриваться как средство для достижения цели, в ней всегда есть недостаток, неполнота, беспокойство. Трещина — это не шаг на пути к революции, но она открывается во внешний мир. Она — маяк достоинства, сияющий в темной ночи, радиопередатчик, транслирующий восстание тем, кому это нужно. Она никогда не бывает полностью закрытой, даже в моменты, в которые она жестоко подавлена. Парижская Коммуна живёт, несмотря на то, что многие её участники были убиты: как вдохновение, как непогашенный долг. И 1968-й год тоже жив — вкус свободы, становящийся жаждой. Множество битв прошло — но не стало прошлым, а зависло в воздухе вибрациями неисполненных надежд, обещаниями возможного грядущего. Так много неоконченных экспериментов по раскрытию потенциала мира.

Из этих трещин открывается путь наружу. Они являются центрами трансгрессии, излучают волны восстания — не в соответствии с какой-либо заранее определённой моделью (ведь модели не работают), но всегда экспериментально, творчески. Наши трещины — это не замкнутые пространства, а восстания, которые распознают друг друга, чувствуют сродство, тянутся друг к другу. Необходимость избавиться от капитализма, необходимость прочной и радикальной трансформации общества актуальна как никогда, но единственный способ достичь этого лежит через признание, создание, расширение и умножение всех видов трещин в структуре господства. Здесь и сейчас.

Эта сила трещин нарушает размерность. Мы упомянули три измерения: пространственное, деятельностное (или ориентированное на ресурсы), и временное. Цель, однако, не в типировании или классификации: скорее, важно увидеть разнообразие форм восстания в повседневной жизни. Мы живём в капиталистическом обществе, в нас доминирует капитал, и всё-таки, всё время, миллионами разных способов, мы пытаемся сломать логику капитала. Перечисление различных измерений может помочь нам осмыслить множество различных путей, которыми мы это делаем, но, возможно, восстание против капитала означает восстание против размерности, как таковой. В этом смысле сюрреализм является одним из аспектов трещин: нарушение размерности и проекция в другой мир, мир за пределами капитализма.^[15] У Джона Бергера есть прекрасный отрывок, в котором он предполагает о потенциально иной размерности трещин:

Это может случиться внезапно, неожиданно и чаще всего в виде проблеска в полумраке — мы увидим признаки иного зримого порядка, который и пересекается с нашим, и не имеет к нему никакого отношения. Скорость киноплёнки составляет 25 кадров в секунду. Бог знает, сколько кадров в секунду проходит в нашем ежедневном восприятии. Но в короткие моменты, о которых я говорю, внезапно и смущённо мы видим это между кадрами. Мы сталкиваемся с частью видимого, которая не предназначена для нас. Возможно, она была предназначена для ночных птиц, северных оленей, хорьков, угрей, китов Berger (2001: 4–5)

Я не утверждаю, что антикапиталистические трещины предназначены только для хорьков и китов, но зачастую их существование может быть обнаружено только при условии особой

чувствительности. Они переносят нас в мир, который порывает с обычными жизненными измерениями. Возможно, восстать против капитала — это всё равно, что пройти сквозь зеркало и начать жить в мире, который сейчас не существует (и, следовательно, существует не сейчас), мире с совершенно другой размерностью, мире, который мы только начинаем понимать.

Борьба не только против, но и против-и-далее всегда подразумевает пересечение порога в запредельное, своего рода контрмир^[16] — одновременно эксперимент и азартную игру, запределье, сюрреалистическое в том смысле, что оно проецирует нас за пределы существующей реальности. Свободная Ассоциация ясно выражает эту мысль:

Предвидя другой мир, действуя в другом мире, мы фактически призываем этот мир. Только потому, что мы (по крайней мере частично), вышли из того, что имеет «смысл» в старом мире, другой мир может начать обретать свой собственный смысл. Возьмите пример Розы Паркс, которая просто отказалась пройти в заднюю часть автобуса. Она не предъявляла требований, она даже не была в оппозиции, она просто действовала в другом мире. Free Association (2007: 26)

Этот поступок, который воспламенил движение за гражданские права в Соединенных Штатах, теперь кажется нам простым утверждением прав человека, но в тот момент это была смелая и экспериментальная игра, пересечение порога в мир, который сможет или не сможет осуществиться^[17]. Это в природе наших трещин: они представляют собой мир, который не существует, в надежде, что, действуя, мы действительно сможем вдохнуть его в жизнь; или, точнее, зная, что это единственный способ, которым мы можем вдохнуть в него жизнь.

1. По поводу войн за воду см. Gutiérrez Aguilar (2009), Ceceña (2004), Olivera и Lewis (2004). [↗](#)
2. По поводу программного обеспечения см. Bollier (2008). [↗](#)
3. Здесь я подразумеваю не национализацию, которая обычно является средством примирения таких требований с воспроизводством капитализма, а скорее реальный контроль над этими районами со стороны пострадавших людей. [↗](#)
4. Интересные примеры городских трещин можно найти на мероприятиях под названием «Крах» в Барселоне: <http://krax-jornadas.citymined.org>. [↗](#)
5. Важное размышление о важности событий 19/20 декабря см. в книге Colectivo Situaciones (2002): *19 y 20: Apuntes para el nuevo Protagonismo social*. Colectivo Situaciones сами по себе образуют интересную трещину, крайне сознательный разрыв шаблонов теоретической работы. Существуют две увлекательные выставки и сборники статей, вдохновленные событиями в Аргентине, см. ExArgentina (Alice Kreischer and Andreas Siekmann) (2004 and 2006). [↗](#)

6. Для Эрнста Блоха существование в текущей реальности пока что не осуществившегося мира является источником надежды. Ernst Bloch (1959/1986) [↗](#)
7. О «политической неопределённости карнавала» см. Ehrenreich (2007), особенно гл. 5. [↗](#)
8. Об этом и многом другом см. Shukaitis (2009). О клоунах против саммита G8 в Глениглсе см. различные статьи в Harvie et al. (2007). [↗](#)
9. Существует множество примеров, которыми можно воспользоваться здесь. Два самых поразительных — это Блиц, бомбёжка Лондона во время Второй мировой войны, которая стала рассматриваться как символ социальной солидарности и строительства нового послевоенного мира, который никогда больше не вернется к страданиям Великой Депрессии и землетрясение в Мехико в 1985 году, которое широко рассматривается как стартовая площадка для новой волны социальной борьбы. [↗](#)
10. Я благодарен беседе с Ребеккой Солнит, приведшей к идеям, изложенным в этом параграфе. [↗](#)
11. «Гомон «Революция!» мутировал в гормон, зловредную псевдогностическую судьбу-ловушку, кошмар, в котором, независимо от того, как мы боремся, мы никогда не избежим этого злого Эона, который инкубирует Государство, одно Государство за другим, в очередной «рай», управляемый очередным злым ангелом» (Beu 1985). [↗](#)
12. Хоркхаймер напоминает о благополучии таких волшебных моментов, но видит в них пережитки прошлого: «Эти старые формы жизни, тлеющие под поверхностью современной цивилизации, по-прежнему во многих случаях дают тепло, присущее любому наслаждению, присущее любой любви к чему-либо ради самой любви, а не ради чего-то другого» Horkheimer (2004: 24). Я вижу их скорее, как неудовлетворенные воспоминания или ожидания в настоящем потенциального будущего, моменты, которые мы создаем в противовес давлению капиталистической повседневности. [↗](#)
13. *La Jornada*, 28 мая 1994. Английский текст опубликован в *!Zapatistas! Documents of the New Mexican Revolution* (EZLN 1994), доступный по ссылке <http://lanic.utexas.edu/project/Zapatistas/chapter11.html>. [↗](#)
14. См. мой диалог с Витторио Серджи к вопросу о действиях так называемого «Черного блока»: Holloway and Sergi (2007). [↗](#)
15. Сюрреализм можно рассматривать как радикальную попытку жить в мире, который пока не существует, разрушая саму размерность капитализма. Об огромном богатстве и ужасных противоречиях сюрреалистического движения см. Vaneigem (1999) и Löwy (2000). Превосходное обсуждение проблем см. у Muñoz (2010). О Уильяме Блейке и важности нарушения размерности см. книгу Cyril Smith (2005), особенно главу «Marx and the Fourfold Vision of William Blake», также доступную по адресу <http://www.marxists.org/reference/archive/smith-cyril/works/articles/blake.htm> [↗](#)

16. См. *Gegenwelten* («Контрмиры»), наводящий на размышления заголовок книги под редакцией Reithofer, Krese and Kühberger (2007). [↗](#)
17. Это не значит, что поступок Паркс был просто стихийной акцией: на самом деле, всё было тщательно подготовлено. Я благодарен Крису Райту за то, что указал на это. [↗](#)